

УДК 81'42:81'27

Е. С. Гриценко

Нижний Новгород, Россия

**ДИСКУРС, СТЕРЕОТИПЫ И РЕАЛЬНОСТЬ:
РОССИЯ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
В АМЕРИКАНСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ**

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Аннотация. В статье анализируются языковые средства создания образа России и ее роли во Второй мировой войне на материале американских учебников истории. Показано, как формируется впечатление о незаметности России в ряду сил, определявших исход войны. Описаны языковые средства профилирования негативных смыслов и способы неоднозначного позиционирования России как страны-союзника и источника угрозы.

Ключевые слова: Россия; Вторая мировая война; языковое конструирование реальности; дискурс; профилирование; агентивность.

Сведения об авторе: Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе.

Место работы: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.

Контактная информация: 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31аб.
e-mail: egritsenko@lunn.ru.

E. S. Gritsenko

Nizhny Novgorod, Russia

**DISCOURSE, STEREOTYPING AND REALITY:
RUSSIA AND WWII
IN US HISTORY TEXTBOOKS**

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The paper highlights linguistic means of constructing Russia's role in the Second World War used in American history textbooks. It shows what makes Russia inconspicuous among the forces that determined the outcome of the war, describes linguistic means of creating negative implications and the ambiguous positioning of Russia (an ally vs. the source of danger/threat).

Key words: Russia; Second World War; linguistic construction of reality; discourse; profiling; agency.

About the author: Gritsenko Elena Sergeyevna, Doctor of Philology, Professor, Vice-Rector for Graduate Studies and Research.

Place of employment: Linguistics University of Nizhny Novgorod.

Какие факторы формируют образ одной страны в общественном мнении другой? Традиционно считается, что определяющее значение здесь имеют двусторонние отношения. Однако не менее значительную роль играют дискурсивно формируемые стереотипы восприятия, в основе которых лежит исторический опыт нации, идеалы и ценности собственной культуры.

Несмотря на динамику двусторонних отношений между СССР и США (союзники в период Второй мировой войны, противники в период холодной войны, потепление 1990-х, последовавшее за ним охлаждение и, наконец, провозглашенная Б. Обамой «перезагрузка»), образ России¹ в американском политическом дискурсе и ее восприятие американцами – особенно не имевшими собственного опыта взаимодействия с россиянами – менялись мало. Понять причины этого помогает обращение к текстам американских учебников истории, закладывающим основы миропонимания и конструирующим «реальность», в которой Великая Отечественная продолжает оставаться «неизвестной войной»², а постсоветская Россия – ассоциироваться с коммунизмом и потенциальной угрозой.

В блоге Ю. Панчула (<http://panchul.livejournal.com/22806.html> (дата обращения: 8.10.2010)) размещены сканированные страницы из американского учебника истории для 4–6 классов с таблицей хронологии Второй мировой войны, где битва под Сталинградом именуется ее «поворотным пунктом»: «*Germans surrender at Stalingrad, Russia (turning point of the war in favor of Allies)*». По мнению блоггера, это свиде-

тельствует об объективности освещения событий Второй мировой в США и о том, что «американцы не любят заниматься мифологией». С подобным мнением трудно согласиться, ведь даже строка из Хронологии, на которую ссылается Ю. Панчул, есть пример мифотворчества: выбор лингвистических средств – субъекта и предиката (*Germans surrender at Stalingrad*) – затушевывает роль СССР как победителя и силы, определившей исход войны. Не менее показательны лексические манипуляции в репрезентации событий 1944–45 гг., где союзники позиционируются как освободители, а Россия – как оккупант: «*Paris is liberated by the Allies*» vs «*Russia occupies Vienna, Austria*».

Задача данной статьи – выявить и описать языковые средства конструирования России и ее роли во Второй мировой войне в американских учебниках истории. В качестве материала для анализа использовались тексты трех первоисточников:

– учебника истории США для университетов «*Liberty, Equality, Power: A History of the American People*» (2008 г.), где Второй мировой войне посвящена объемная глава;

– сборника аналитических эссе «*What if?*» (под ред. Роберта Коули), в которых американские историки, политологи, журналисты конструируют воображаемые исторические сюжеты времен Второй мировой войны на основе разного рода допущений;

– книги, изданной по известному автобиографическому фильму бывшего министра обороны США Р. Макнамары «*The Fog of War*», в которой рассматривается ряд кейсов (исторических сю-

жетов и политических решений), прямо или косвенно связанных с Россией и СССР.

Выбор относительно разнородных первоисточников – как с точки зрения жанра (академический, аналитический, мемуарный), так и в аспекте исторического фокуса – был сделан вполне сознательно для выявления степени их дискурсивного (идеологического) созвучия.

Исследование проведено в русле критического дискурс-анализа, в формате, описанном Н. Ферклоу в книге «Язык и власть», где дискурс включает весь процесс социальной интеракции (не только текст, но и процессы его создания и интерпретации), а формальные элементы текста являются «следами» процесса создания и «ключами» в процессе интерпретации [Fairclough 1989: 24].

Основные выводы и наблюдения, сделанные в ходе анализа, можно объединить в пять групп.

1. Первое наблюдение касается «незаметности» СССР в ряду исторических сил, определявших ход Второй мировой войны и определивших ее исход. В общем объеме главы упоминания о сражениях на территории СССР занимают ничтожную часть. Основное внимание уделено событиям, в которых США непосредственно принимали участие или которые в той или иной мере оказывали влияние на США. Так, о военной кампании в Северной Африке и Италии рассказывается на полутора страницах, а многомесячной битве под Сталинградом уделено пять строк. Подробно рассказывается о бомбежках Лондона и других британских городов, а также о волне сочувствия, которую они вызвали в США, но не упомянуто о блокаде Ленинграда, жертвах и разрушениях на территории бывших советских республик.

В разделе «Хронология», который открывает главу, СССР не упоминается, а единственная релевантная ссылка (на поражение немецких армий под Сталинградом) дана в пассивном залоге: «*German army defeated at Stalingrad*», т. е. без указания на то, какая страна одержала победу и без какого-либо оценочного отношения к этому событию, хотя в предыдущей строке «Хронологии» оценочное отношение выражено эксплицитно и ярко: «*US Victorious at Battle of Midway*» [Murrin 2008: 964].

Сталинградская битва – это практически единственное сражение с участием СССР, на которое в учебнике дается ссылка. Не упоминается ни о сражении под Москвой, ни о Курской битве, ни о других крупных сражениях Великой Отечественной войны. «Горячими точками» Второй мировой именуется театры боевых действий США (Африка, Азия, Тихоокеанский регион): «*Hot spots of WWII: Africa, Asia, Guadalcanal*». Таким образом, дискурсивно СССР предстает не как ключевой, а как второстепенный участник боевых действий.

2. Второе наблюдение касается дискурсивного сужения понятия союзников по антигитле-

ровской коалиции. Несмотря на словарное значение («*Allies – the countries, including Britain, the US, and the USSR, that fought together during the Second World War*» [LDOCE]), в тексте учебника слово *Allies* почти везде обозначает США, Англию и Францию («*Allies land in Normandy*», «*Allied armies reach Paris*», «*Allies invade Sicily*», «*Stalin's Allies*» и т. п.). Складывается впечатление, что СССР действовал отдельно от союзников, т. е. дискурс формирует отличное от исторической реальности значение данного слова.

Это впечатление усугубляется манипулятивным использованием имени нарицательного *allies* для представления СССР как бывшего союзника нацистской Германии (*Germany ... attacked the Soviet Union, its recent ally, in violation of the 1939 nonaggression pact*), ср.: *ally – a country that makes an agreement to help or support another* [LDOCE]; *a state formally cooperating with another for a military or other purpose* [COED]). Поскольку читательское восприятие структурируется в формате «Свой – Чужой», подобное позиционирование «отдаляет» и «очуждает» СССР, что в дальнейшем облегчает конструирование образа врага, манипулирование мотивом российской/советской угрозы.

3. Третье наблюдение касается неоднозначного позиционирования СССР. В качестве примера можно привести различное представление в разделе «Хронология» двух аналогичных исторических событий: подписания сепаратных соглашений с Гитлером в Мюнхене в 1938 году и заключения советско-германского пакта о ненападении в 1939 году.

В комментарии к первому событию Франция и Англия лексически и синтаксически позиционируются как миротворцы – «*France and Britain appease Hitler*»: это однородные подлежащие (субъекты), воздействующие (позитивно) на общего врага, Гитлера. То, что в результате сепаратного соглашения Гитлер занял Судетскую область Чехословакии (союзника Англии и Франции), кратко упомянуто в тексте главы, но не в «Хронологии». В предложении же о пакте Молотова – Риббентропа Гитлер и Сталин – это однородные подлежащие (подлежащие), выполняющие совместное действие, следствием которого явилось вторжение Германии в Польшу и начало войны: «*Hitler and Stalin signed Soviet-German non-aggression pact. Hitler invades Poland; war breaks out in Europe*» [Murrin 2008: 964]. Подобное позиционирование задает план восприятия, профилируя разные смыслы: затуманевается ответственность Англии и Франции за сепаратную сделку с Гитлером и акцентируется вина СССР за расползание войны в Европе.

Характерно, что в «Хронологии» вообще не упомянуто о нападении Германии на СССР, а в тексте главы не говорится ни о военных потерях СССР, ни о жертвах мирного населения на

окупированных территориях, т. е. нет эксплицитного позиционирования СССР как жертвы фашизма. Референция понятия *жертв нацизма* дискурсивно сужается до жертв Холокоста.

Бросается в глаза образная симметрия дискурсивного позиционирования СССР и Германии (*German Fatherland and Russian Motherland* [Bradley 2001: 278]), аналогия представления Сталина и Гитлера как лидеров тоталитарных государств и систематическое отождествление СССР с правителем-тираном (*Stalin's troops, Stalin's Red Army, Stalin's regime* и т. п.), что можно трактовать как элемент демонизации России.

4. Еще одно наблюдение касается смысловых акцентов в описании причин, способствовавших разгрому немецких армий на территории России. Упоминаются природные факторы (суровая русская зима) и тактика советского военного командования, не жалевшего жизни своих солдат («*manpower easily replaced whenever it was lost*» [Bradly 2001: 289]). На фоне многократного повторения мысли о том, что сохранение жизни американских солдат было главным приоритетом политического руководства США (этим объясняется, в частности, оттягивание вступления Соединенных Штатов в войну), а также при полном отсутствии информации о самоотверженности советских солдат, страданиях и жертвах мирного населения на оккупированных территориях подобная расстановка смысловых акцентов способствует восприятию СССР как страны с негуманными, чуждыми ценностями. Этот образ не вызывает у читателя сочувствия.

5. И наконец, последнее наблюдение касается позиционной реверсии, в результате которой СССР из союзника и жертвы превращается в противника и источник опасности – идеологической угрозы послевоенной Европе и миру. Подтверждением может служить приведенная в учебнике критика президента Рузвельта его политическими противниками за медлительность в открытии второго фронта. Рузвельта критиковали не за уклонение от выполнения союзнического долга. Его упрекали в том, что промедление в открытии второго фронта в Европе позволит Сталину занять больше территорий и шире распространить свое влияние в послевоенном мире. Примечательно, что больше всего упоминаний об СССР встречается не в разделах о боевых операциях Второй мировой войны, а в разделе, посвященном послевоенному разделу Европы.

Мысль о том, что СССР – это идеологический противник, распространения влияния которого в Европе и мире нельзя допустить, повторяется в тексте учебника многократно в различных вариациях. Даже решение о бомбардировках Хиросимы и Нагасаки объясняется (оправдывается) не военной необходимостью подавления (устрашения) вражеской Японии, а стремлением Г. Трумена ограничить продвиже-

ние советских войск на Дальнем Востоке: «...*To limit any advances that Soviet troops might make in the Far East... curtailing Stalin's post-war influence there* [Murrin 2008: 939].

Тот же страх прочитывается в одном из эссе сборника «*What if?*», где описывается гипотетическая ситуация, в которой премьер-министром Великобритании становится Халифакс (а не Черчилль). В результате Великобритании, верная Мюнхенскому пакту 1938 года, вместе с США пассивно наблюдает за тем, как СССР на протяжении шести лет сражается с Германией в одиночку, Германия терпит поражение, а Красная армия захватывает всю территорию Европы [Bradley 2001: 279-290].

Таким образом, дискурс советской угрозы уходит корнями в период, когда СССР и США были союзниками, хотя подлинную масштабность он приобрел в период холодной войны. Гипотетическая возможность распространения коммунизма была оправданием не только атомных бомбардировок японских городов (см. выше), но и миллионов жертв вьетнамцев и сотен тысяч американских солдат в годы военного противостояния в Индокитае. «Эффектом домино» (опасением, что установление коммунистического режима в одном государстве неизбежно повлечет за собой смену режима в соседних странах, расширяя сферу влияния СССР) объясняет и оправдывает введение американских войск во Вьетнам и военные преступления вьетнамской войны бывший министр обороны США Р. Макнамара в книге по автобиографическому фильму «*The fog of war: lessons from the life of Robert S. McNamara*» [Bright 2005].

Как известно, выдвигание на первый план того или иного субъекта/информации (например, послевоенной экспансии СССР и под.) может существенно смещать смысловые акценты и оценки. Речь идет о том, что Р. Лэнкек назвал *профилированием* – перемещением точки зрения, концентрации внимания на определенных аспектах ситуации. К лингвистическим средствам профилирования в текстах изученных первоисточников относятся:

- *Манипулирование негативом* – навешивание идеологических ярлыков, не имеющих непосредственного отношения к сути описываемых событий. Подавляющее большинство упоминаний об СССР, отмеченных в тексте, сопровождается употреблением слова *communist*, которое в американской лингвокультуре имеет ярко выраженный негативный смысл: *Joseph Stalin's communist government; communist Soviet Union; communist-led nation for which most Americans felt far less empathy than they did for Great Britain* и т. п. Исследования показывают, что в современной американской политической риторике идеологемы «коммунизм», «марксизм», «социализм», «фашизм», «нацизм» и т. п. претерпевают ряд семантических изменений, в результате которых стирается их исход-

ное содержание, а за соответствующими лексемами закрепляется роль негативно-оценочных ярлыков, которые активно используются с целью дискредитации человека, действия или идеи [Гриценко 2009]. При этом происходит размывание денотативного значения этих слов и выдвижение негативного коннотативного смысла на позицию смыслового ядра с параллельным развитием дискурсивно-обусловленных синонимических и антонимических связей. Лексемы *communist*, *Marxist* и под. становятся синонимами слов *undemocratic*, *anti-American*, *evil*, приближаясь к тому, что В. В. Карасик именует эпинимами, а В. В. Морковкин – агнонимами (смысловые образования с редуцированной предметной и гипертрофированной эмоционально-оценочной составляющей) [Карасик 2010: 122–123]. Итерация слова *communist* профилирует негативное восприятие даже в контекстах, не имеющих эксплицитной оценочной составляющей.

- **Деагентивация** – преобладание пассивных и обезличенных конструкций в контекстах об успешных боевых операциях СССР: *German army defeated at the Battle of Stalingrad; Stalin, his armies facing the bulk of Germany's forces in Eastern Europe, ... Soviet military remained essential to Germany defeat* и т. п. В проанализированных текстах случаи, где СССР выступает в роли субъекта (подлежащего) при предикате материального намеренного действия (по Халлидею³) единичны, в то время как позиционирование США практически всегда агентивно. Один из редких случаев деагентивации США представлен в «Хронологии» и связан с атомными бомбардировками Японии: *Hiroshima and Nagasaki hit with atomic bombs* [Murrin 2008: 964]. Имеет место и лексико-синтаксический дисбаланс: операции США, как правило, представлены развернуто, серией субъектно-предикатных конструкций, действия же СССР – эскизно, в номинативно-квалификативной форме, ср: *After repulsing a desperate German counteroffensive in Belgium, at the Battle of the Bulge in December 1944 and January 1945, Eisenhower's command swept eastward, crossed the Rhine River, and prepared to head toward Berlin to meet up with west-advancing Soviet troops* [там же, с 977].

- **Дегуманизация** – метафора СССР как военной машины, наиболее ярко представленная в единственном развернутом фрагменте текста, описывающем победу под Сталинградом: *Abandoning a largely defensive response to Hitler's offensive during the late summer of 1942, Stalin's forces finally counterattacked in early 1943. They cut off and, then, ground down an entire German army, more than 1 million soldiers, at Stalingrad, and sent other German forces reeling backward for the first time during the war* [Murrin 2008: 976].

- **Дефицит квалификаторов и амбивалентность оценок.** В описаниях СССР почти не ис-

пользуются прилагательные, связанные с темами победы и героизма. Когда же это происходит, семантика квалификаторов часто амбивалентна. Так, в вышеупомянутом эссе «Prime Minister Halifax» из сборника «What if?» упорное сопротивление советских войск натиску немецких армий характеризуется прилагательным «dogged» (*dogged Soviet resistance*) [Bradley 2001: 289], которое определяется в словаре [COED] как *tenacious; grimly persistent* (выделено мной – Е. Г.).

Названные языковые средства и приемы взаимодополняют друг друга, формируя образ «Другого» – России как чуждой и непонятной страны, источника потенциальной опасности. Этот образ стереотипизировался, став частью картины мира, которая меняется чрезвычайно медленно, определяет общественное мнение, влияет на принятие политических решений. Лингвистическая деконструкция исторических и культурных стереотипов помогает вскрыть механизмы их формирования, расширяя и углубляя представления о языке как средстве конструирования социальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

Гриценко Е. С. Дискурсивно детерминированные семантические процессы в предвыборной практике // Тезисы Четвертой международной конференции «Общество – Язык – культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке» (Москва, МИЛ, 27 ноября 2009). – С. 12–13.

Карасик В. В. Языковая кристаллизация смысла. – Волгоград: Парадигма, 2010.

Blight J. G., Lang J. M. The fog of war: Lessons from the life of Robert S. McNamara. – Rowman & Littlefield Publishers, 2005.

Bradley J. [et al.] What If? 2: Eminent historians imagine what might have been: essays [edited by R. Cowley]. – New York: The Berkley Publishing Group, 2001.

Murrin J. M., Johnson P. E. [et al.] Liberty, Equality, Power: A History of the American People [Compact Fifth Edition]. Vol. II: Since 1863 – Belmont: Wadsworth Cengage Learning, 2008.

Fairclough N. Language and Power. – London, New York: Longman, 1989.

Halliday M. A. K. Linguistic function and literary styles: An inquiry into the language of William Golding's «The Inheritors» // The Stylistics Reader: From Roman Jakobson to the Present. – London, New York, Sydney, Auckland, 1996. – P. 56 – 86.

COED: Concise Oxford English Dictionary. 11th edition. Revised 2008 by Soanes C., Stevenson A. – London: Oxford University Press.

LDOCE: Longman Dictionary of Contemporary English. Fourth edition with Writing Assistant, fifth impression. – Pearson Education Limited, 2006.

¹ Синонимичное употребление слов «СССР» и «Россия» в статье связано с их кореферентностью в текстах анализируемых первоисточников.

² Одноименный документальный фильм американских документалистов «The Unknown War» (1978), сочувственно рассказывающий о борьбе Советского Союза против нацистской Германии, был снят с телевизионного проката после ввода советских войск в Афганистан.

³ Речь идет о выборе глагольных предикатов с целью определенным образом представить субъект в системе связей и отношений с окружающим миром – так называемой транзитивности [Halliday 1996]. Модель анализа транзитивности делит глаголы на категории в зависимости от характера выполняемой деятельности и роли участника в этой деятельности. В ее основе лежит классификация глагольных предикатов на материальные (намеренные и ненамеренные) и ментальные, которые делятся на направленные вовне (воздействующие) и замкнутые внутри (обозначающие реакции, восприятия и ког-

нитивные процессы). Анализ транзитивности предполагает рассмотрение характера действий: *Какие действия представлены в тексте? Кто является субъектом, т. е. производит их? Кто является объектом, по отношению к которому они производятся? Куда/на кого направлены действия?* Транзитивность в данном случае не эквивалентна переходности в традиционной грамматике, хотя касаясь лингвистических манифестаций ролей участников и способов их взаимодействия друг с другом, она неизбежно фокусируется на агентивности. Ключевым принципом в данной модели анализа является мысль о том, что у говорящего или пишущего всегда есть выбор, какой глагол употребить и, соответственно, как описать (представить) то ли иное событие. Изучение транзитивности в этом смысле есть анализ точки зрения, мировоззрения или «реальности», конструируемой в тексте.

© Гриценко Е. С., 2010